

Елена ДЬЯКОВА

ОТ СУПЕРМАРКЕТА К ВЕТХОМУ ЗАВЕТУ

О ФЕСТИВАЛЕ «СЕЗОН СТАНИСЛАВСКОГО»

«Сезон Станиславского» – самый, пожалуй, консервативный из международных фестивалей Москвы. Ключевые принципы отбора спектаклей – верность традициям Станиславского в новом времени, безоговорочное преобладание в репертуаре высокой драмы и классических (насколько возможно в наши дни) сценических форм. А также – особое внимание к искусству актера, к «сольным партиям» и бенефисным ролям. Будь то берлинский мэтр Мартин Вуттке в «Мнимом больном», эксцентричная Барбара Нюссе, «германская Роза Хайруллина», в нескольких ролях в спектакле Люка Персеваля «Там за дверью» или юная актриса Мария Луговая в «александринской» «Гедде Габлер» Камы Гинкасы. У «Сезона Станиславского» есть постоянные культурные герои. Год за годом фестиваль представляет Москве новые работы Эймунтаса Някрошюса и театра «Meno Fortas», часто первым привозит в столицу премьеры МДТ и Льва Додина. С 2012 года в число друзей «Сезона Станиславского» входит Люк Персеваль.

Выбор «Сезона Станиславского» точен, его постоянные участники – «художники в силе». (и легко ли будет «Сезону Станиславского» удержаться от продолжения работы с тем же Персевалем в 2015 году, зная, что режиссер выпустил «Фронт» – плач о жертвах Первой мировой, а в настоящее время репетирует в театре «Thalia» «Жестяной барабан»?) Впрочем, X фестиваль «Сезон Станиславского» явно меняет (или, скорее, размыкает навстречу новым возможностям) свой привычный формат. Отчасти это связано с реализацией другого проекта Международного фонда К.С. Станиславского – реставрацией усадьбы Любимовка и превращением ее в Театральный центр. Молодежная программа Фонда Станиславского «Вишневый сад в Любимовке» взаимодействует с основной программой «Сезона Станиславского» – и отчасти способствует ее трансформации.

Фестиваль открылся спектаклем японской компании «Chelfitsch» «Ванильная мечта» («Super Premium Double Vanilla Rich»).

Сцена из спектакля «Ванильная мечта».

Мерчендайзер демонстрирует супервайзеру прогрессивный южнокорейский способ возврата сдачи покупателю

Театральная компания Chelfitsch, Токио, Япония.
Фото С. Kleiner

Фестивали

Сцена из спектакля
«Ванильная мечта».

«И не будь ночных
супермаркетов – где бы
вы все работали? Что
вы еще умеете, а?!»

Театральная компания
Chel'fitsch,
Токио, Япония.
Фото С. Kleiner

Основатель и лидер труппы, 40-летний Тошики Окада известен в Японии как режиссер, драматург, прозаик, лауреат литературной премии Кэндзабуро Оэ (2008) и национальной драматургической премии *Kishida* (2005). (При этом спектакль Окада и компании «Chel'fitsch» «Air-Conditioner /Cooler» был номинантом хореографической премии *Toyota Choreography Awards*). Отличительные черты его стиля – работа с сегодняшним городским жаргоном в текстах и своеобразии пластики спектаклей.

Помимо постоянного участия в *Tokyo International Art Festival*, компания Тошики Окада гастролировала в Вене, Париже, Зальцбурге, Брюсселе, Сингапуре. Мировая премьера «*Super Premium Soft Double Vanilla Rich*» прошла в мае 2014-го, на фестивале «*Theater der Welt*» (Маннгейм, Германия). В Россию компания «Chel'fitsch» приехала впервые.

Декорация – минимальная: на двух полотнощах простейшим способом, а-ля картинки на майках, отпечатаны полки супермаркета со всем их йогуртово-дезодорантным счастьем. Действие пьесы Окады и спектакля происходит в ночном магазине «Фабрика улыбок»: такие есть возле каждой станции метро в Токио. Здесь своя социальная пирамида: опытные продавцы, грозный менеджер, ревизор из центрального офиса. Свой аутсайдер – безработная

актриса, пришедшая на должность кассира. Свой парад-алле цирковых уродцев, ночных странников, заживо съеденных одиночеством (кого еще понесет среди ночи в магазин за горчо любимым ванильным мороженым?).

...Если угодно, – у Окада живые актеры играют пластмассовых человечков. Все персонажи яркие, как фигурки «Лего», – да и движутся в той же пластике. Их заторможенные, церемонные жесты, гоголевски-нелепые тренинги поклонов и улыбок, напевно-умильное хоровое «Спасибо!», обращенное к каждому клиенту, злой писк кассовых аппаратов как фон действия, монологи менеджера, взбуривающего войско («Не будь сетевых супермаркетов – где бы вы, уроды, работали? Что вы еще умеете?»), угловатая пластика девочки-клиентки, – все создает картину очень сегодняшнего мира. Мира, в котором каждый включен в сладкую сказку об общем процветании. Каждый инстинктивно понимает, как близок крах мифа. Каждый в рабстве у всесветной «Фабрики улыбок», безостановочно производящей пустоту и суету, – лишь бы шорохом и имитацией действия заглушить свои страхи. Люди привязываются не друг к другу, а к сортам сладостей и песенкам в чартах. Но песенки уходят из эфира, сладости снимают с производства: ассортимент должен обновляться!

Для человека, всю жизнь проведшего в сетях «Фабрики улыбок», – это трагедия.

Спектакль о ярком, одноразовом городском мусоре, о жизнях, легковесных, как обертки двойного ванильного мороженого, имеет глубокие корни. Сегодняшний маленький человек золотого миллиарда именно таков. И «послекусие» от авангардного спектакля глубоко традиционно: печаль.

Люк Персеваля и театр *NT Gent* привезли на фестиваль спектакль «Платонов». Знаменитый немецкий режиссер, художественный руководитель театра «*Thalia*» (Гамбург) постоянно участвует в программе «Сезона Станиславского». В 2012-м в ней были показаны его «Отелло» и «Вишневый сад» с блестящей Барбарой Нюссе в роли Раневской, в 2013-м – «Там за дверью» по классической для послевоенной Германии и почти неизвестной в России пьесе Вольфганга Борхерта («Золотая маска» в номинации «Лучший зарубежный спектакль, показанный в России»). В 2014-м фламандец Персеваля привез в Москву спектакль, поставленный на родине (с театром *NT Gent* режиссер находится в постоянном сотрудничестве; его недавний спектакль «Фронт», посвященный 100-летию Первой мировой и с успехом прошедший

по фестивальным сценам от Эдинбурга до Белграда, – копродукция «*Thalia*» и *NT Gent*).

Стиль Персеваля узнаваем: в лаконичном и страстном действе сюжет чеховской пьесы очищена до сухожилий, мускулов, нервов. Никаких усадебных туманов: резкий, как в операционной (или в кабинете врача-диагноста) сценический свет Марка ванн Денессе (постоянного участника постановок Персеваля и Йохана Симонса). На заднем плане – рояль. Джазовые импровизации немецкого пианиста и певца Йенса Томаса (известного как сольными программами, так и участием в многочисленных театральных проектах) в диапазоне от плача до рычания, от элегии до яростного и бессильного подведения итогов жизни. Измученное, истрепанное, значительное лицо Берта Луппеса – ведущего актера *NT Gent*, его сухая, мужская, лениво-хищная пластика очень подходят к роли. Скорый распад социума, уходящая из-под ног почва привычного мира – главная тема спектакля.

Спектакль Персеваля «Там за дверью» был явным хедлайнером фестиваля прошлого года. В 2014-м это место заняла «Книга Иова» Эймунтаса Някрошюса, совместная продукция театра «*Meno Fortas*» и Международного фонда Станиславского.

Б. Луппес – Платонов,
З. Тилеман – Саша.
«Платонов».
Театр *NT Gent*, Гент,
Бельгия.
Фото P. Deprez

Фестивали

Р. Вилкайтис – Иов
(в центре).
«Книга Иова». По мотивам Ветхого Завета.
Театр «Meno Fortas»,
Вильнюс, Литва.
Фото D. Matvejevas

«Жил человек в земле Уц...»: молодой, румяный Господь Вседержитель в белом, с огромной золоченой конфетой, висящей поперек груди, заманчиво сверкающей, аки награда праведнику, – рассказывает историю Иова первым. За ним, повторяя всю историю, выходит к рампе остроглазый и гибкий Сатана в черной коже с заклепками, с острой кладбищенской лопатой, надежно притороченной за спиной: уж он-то всегда найдет, где и как применить этот инструмент. Третьим к черте рампы выходит Иов. В этой роли – Ремигиус Вилкайтис (в недавнем прошлом министр культуры Литвы).

Иов сед, хрупок, легок. На нем полотняная рубаха праведника, чистая предсмертная рубаха мученика, чья жизнь подобна долгой казни. В его устах священный текст грозен по-настоящему, хриплые, сквозь зубы выдыхаемые слова сродни корчам. Вечное человеческое «За что?!» сыграно Вилкайтисом, сказано со сцены до оторопи подлинно. Этот Иов смотрит на нас из каждого выпуска новостей. Иногда их там тысячи, иовов.

Он несет на себе черный тяжкий брус, похожий на основание креста. Он сгибается под тяжестью грозди горящих электроламп, как под гнетом библейской «проказы лютой» (эта

сценическая метафора – уж не образ ли всей цивилизации?! – из самых мощных у Някрошюса). Он так говорит свое: «На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?», – что Господь зажимает уши, не в силах видеть ниспосланную Им муку.

Они трясут друг друга за плечи – Вседержитель и полусожженная страданием тварь. Они гремят, обрушивая друг на друга смятенные строки Писания. «Книга Иова» – спектакль-проповедь, спектакль, подобный чтению Евангелия за литургией. Чтения – на понятном пастве языке и с тою самой силой, с какой Иоанном Златоустом, составителем литургии, это чтение задумано. Не логоцентричный, как нынче принято говорить, а Логосоцентричный театр.

Только с сильным до озноба ощущением неба над головой и преисподней под ногами, с мощным ощущением присутствия Вседержителя в повседневности мог быть сделан такой спектакль.

...Измученный Иов стоит между Господом и Сатаной, разламывая дрожащими пальцами алое, как кровь, яблоко, кормит обоих семечками, словно своей плотью.

Параллельно «большим гастролям» основной программы жизнь идет и в Любимовке.

Реставрация имени Станиславского далека от завершения (о каком завершении можно говорить, если главный усадебный дом разобран в послереволюционные годы, а из мемориальных вещей усадьбы уцелели рояль и два семейных фотопортрета?). Тем не менее, благодаря деятельности Фонда Станиславского, завершён и оборудован для показа спектаклей Театральный павильон, первая «площадка» Станиславского-режиссера. Полноценно зажил и двухэтажный деревянный дом в усадьбе: на втором этаже оборудован театральный зал, он же – репетиционный. Именно здесь итальянский режиссер Пиппо Дельбоно и Пепе Робледо (актер *Compagnie Pippo Delbono*, много работавший с Пиной Бауш) провели пластический мастер-класс с двадцатью пятью актерами Москвы – участниками российской версии проекта «Генрих V». В лаконичной (1 ч. 15 мин.) сценической композиции по самой длинной хронике Шекспира молодые люди сыграли важнейшую роль – «коллективного тела» народа и войска: тела, облаченного в безупречные офисные доспехи XXI века, тела, переодетого волей короля в черные кожаные латы пехотинцев, тела, ликующего при виде полководца... тела, грозно наступающего строем на вождьленную Францию... измученного, умирающего, полуобнаженного тела, оставленного на поле битвы.

Программа «Вишневый сад в Любимовке», начатая Фондом Станиславского в 2013 году, еще не обрела устоявшихся форм. Помимо мастер-класса Пиппо Дельбоно и Пепе Робледо, в Любимовке прошли однодневные гастроли Воронежского Камерного театра. В Театральном павильоне Елена Лукиных сыграла моноспектакль Михаила Бычкова по новеллам Тэффи «Сказка жизни» с прелестным изобретательным видеорядом Андрея Оноприенко, в котором новейшие анимационные технологии оживили семейные фотоальбомы 1900-х. В той же Любимовке провела мастер-класс Мара Кимеле – знаменитый режиссер и педагог из Латвии.

10 ноября был показан *work-in-progress* проекта шотландского режиссера Мэттью Лентона «Старение», результат десяти дней работы в Любимовке со студентами московских театральных вузов и Академии Пекинской оперы. Эта экспериментальная работа по мотивам притч древнекитайского философа Чжуан-цзы будет продолжена в Пекине и в Глазго.

«Лабораторные работы» в усадьбе Станиславского становятся важной составляющей и питательной средой для основной программы фестиваля.

Сцена из спектакля «Генрих V».

Ликующее, идущее строем, измученное, окровавленное, умирающее в грязи коллективное тело народа – главный персонаж спектакля.

Театральная компания Пиппо Дельбоно, Италия